

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) ББК 63.3(2)41 DOI 10.25986/IRI.2020.39.22.001

В. А. Кучкин

ИРИ РАН, Москва, Россия. kuchkin_va@mail.ru

ПЕРЕНОСЕНИЕ МОЩЕЙ БОРИСА И ГЛЕБА 2 МАЯ 1115 г.

В начале второго десятилетия XII в. в Южной Руси произошло важное событие: в киевском городе Вышгороде, которым, как выясняется, примерно с 1102–1109 г. правил черниговский князь Олег Святославич, была достроена, расписана и освящена большая каменная церковь Бориса и Глеба. Уже на следующий день в нее из местной деревянной церкви были перенесены гробницы двух невинно убиенных сыновей князя Владимира Святославича. Об этом сообщают Ипатьевская летопись (текст восходит к третьей редакции Повести временных лет 1118 г.) и заключительный рассказ «Сказания о чудесах святых страстотерпцев Романа и Давида», то есть Бориса и Глеба. Последний содержит сведения о том, что неоднократные обращения Олега Святославича к правившему в Киеве Святополку Изяславичу разрешить перенос гробниц Бориса и Глеба в новую церковь кончались отказами. Той же линии придерживался и сменивший Святополка на киевском столе в 1113 г. Владимир Мономах. И лишь когда к просьбам Олега присоединился его брат черниговский князь Давид, перенос состоялся. Крупный идеологический шаг имел явный политический подтекст.

Ключевые слова: Русь во второй половине XI – первой четверти XII в., сыновья и внуки Ярослава Мудрого, их владения, борьба за обладание Киевским княжеством, церковная политика наследников Ярослава

В 1115 г., ровно 100 лет спустя после гибели Бориса и Глеба, произошло событие, вновь напомнившее древнерусским христианам о судьбах этих двух сыновей князя Владимира Святославича. В указанном году в находившемся поблизости от Киева городе Вышгороде произошло торжественное перемещение гробов Бориса и Глеба из старой деревянной Борисоглебской церкви в только что освященную большую каменную церковь, посвященную безвинно убитым братьям.

Перенос мощей Романа и Давида, как в крещении были названы Борис и Глеб, подробно описан в статье 6623 г. Ипатьевской летописи, которая, как показали исследования А. А. Шахматова по истории древнерусского летописания, восходит к одной из заключительных статей третьей редакции Повести временных лет [Шахматов, с. III–X]. В статье 6623 г. имеются две полные даты, которые четко определяют хронологию событий. Во-первых, сообщается, что освящение каменной церкви Бориса и Глеба произошло 1 мая в субботу. Такое сочетание года от так называемого сотворения мира, месяца, числа и дня недели указывает на 1115 г., когда Пасха приходилась на 18 апреля. Вторая летописная дата прямо зависела от первой. В летописи отмечено, что мощи Бориса и Глеба были перенесены в новую церковь 2 мая в воскресенье. И здесь соотношение месяца, числа и дня недели вполне корректно. Если,

как утверждал А. А. Шахматов, третья редакция Повести временных лет была составлена в 1118 г.¹, то описание переноса мощей Бориса и Глеба в новую вышгородскую каменную церковь должно датироваться временем после 2 мая 1115 г. и до 15 августа 1118 г., то есть это описание было сделано современником события.

Тем не менее данное описание не было самым ранним. Существует и другой письменный памятник, повествующий о том же перенесении мощей двух сыновей князя Владимира. Речь идет о заключительном отрывке так называемого «Сказания о чудесах Бориса и Глеба» («Сказания о чудесах святых страстотерпцев Романа и Давида»). В этом памятнике также приводится точная дата освящения каменной церкви Бориса и Глеба в Вышгороде – суббота 1 мая, а далее точная дата перенесения мощей обоих братьев – воскресенье 2 мая². Однако год событий в «Сказании о чудесах Бориса и Глеба», в отличие от летописи, не указан. Нет в этом «Сказании» и сообщения о работах в каменной вышгородской Борисоглебской церкви, проведенных Владимиром Мономахом после окончания торжественных мероприятий по переносу мощей святых братьев, когда все уже «разидошася кождо въ свояси». Тогда, как сообщает летопись, «Володимеръ же окова рацѣ сребромъ и златомъ и оукраси гроба ею, тако же и комарѣ покова сребромъ и златомъ»³. Отсутствие в «Сказании» сведений о таких работах может свидетельствовать о том, что памятник возник ранее летописного рассказа, скорее всего, сразу же после перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г.

Есть и другие различия между «Сказанием» и летописью. «Сказание» сообщает, что в Вышгород вместе с Владимиром Мономахом, Олегом и Давыдом Святославичами прибыли и их сыновья⁴. Летопись о сыновьях ничего не говорит. В «Сказании» среди епископов, собранных митрополитом Никифором на торжества в Вышгород, назван Мина «отъ Полотьска»⁵. В летописи вместо этого читается «с попомъ Никитою Бѣлогородьскимъ»⁶. Среди настоятелей монастырей, присутствовавших при переносе мощей Бориса и Глеба, в «Сказании» указан Феофил «святаго Дьмитрия»⁷. В летописи это лицо не упоминается. «Сказание» определяет место игуменства Петра как «святыя Богородица из Лахернитиса»⁸. В летописи Петр представлен иначе: «Петръ Кловьскыи»⁹. «Сказание» сообщает, что при переносе раку с мощами Бориса сопровождали Владимир Мономах и митрополит Никифор, а раку с мощами Глеба – черниговский князь Давыд Святославич и епископы. Говорится также, что рака Глеба встала, потому что порвались ужища, с помощью которых тянули раку¹⁰. Ничего этого нет в рассказе летописи.

Однако уникальные известия есть и в летописном изложении. Там, в частности, сообщается, что церковные чины после освящения каменной церкви Бориса и Глеба и окончания в ней обедни 1 мая «обѣдаша оу Ольга и пиша»¹¹. Говорится также, что после внесения гробниц Бориса и Глеба в новую каменную церковь 2 мая между князьями вспыхнул спор. «Распри же бывши межи Володимеромъ, – пишет летопись, – и Давыдомъ и Ольгомъ. Володимероу бо хотящю

¹ Последней записью третьей редакции Повести временных лет А. А. Шахматов считал сообщение о смерти византийского императора Алексея Комнина, скончавшегося 15 августа 1118 г., но это сообщение расценивал как более позднюю приписку к основному тексту летописи (см.: [Шахматов, с. 358 и примеч. 15–16]).

² Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 70.

³ ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 282.

⁴ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 69.

⁵ Там же. С. 70.

⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 280. Чтение «попомъ» – явное искажение текста переписчиком, изначально в тексте читалось «пѣпомъ», то есть «пискупомъ». Никита и был епископом Белгорода.

⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 70.

⁸ Там же.

⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 280.

¹⁰ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 70, 71.

¹¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 280.

я поставити средѣ церкви и теремъ серебрянъ поставити над нима, а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я в комару, “идеже отецъ мои назнаменаѣ”, на правои сторонѣ, идеже бѣше оустроены комарѣ има»¹². Спор погасили митрополит Никифор и епископы. Они предложили спорившим князьям бросить жребий. Владимир Мономах положил свой жребий, а Олег и Давыд – свой. Был вынут жребий черниговских князей, и раки Бориса и Глеба были поставлены под сводом южного придела¹³. «Сказание» ничего не говорит ни о пире у князя Олега 1 мая, ни о споре 2 мая 1115 г. между князьями о месте положения Бориса и Глеба.

Произведенное сравнение двух источников, в которых описан перенос мощей Бориса и Глеба из деревянной Борисоглебской церкви Вышгорода в каменную городскую церковь 2 мая 1115 г., позволяет точнее и глубже вникнуть в смысл события и по-иному, чем это принято в настоящее время в исследовательской литературе, оценить его историческую значимость. В литературе вопроса до сих пор преобладает мнение, высказанное в 1948 г. Л. В. Черепниным. Приведя некоторые примеры почитания Владимиром Мономахом гробниц Бориса и Глеба, историк усмотрел в этом «большое политическое значение» для киевского князя, его стремление утвердить культ новых русских святых и, пользуясь их покровительством, упрочить собственную власть в Киеве. «Итак, несомненно, – подводил итог Л. В. Черепнин, – что Мономах, придавая большой политический смысл культу памяти Бориса и Глеба, стремился свои собственные действия в качестве киевского князя освятить авторитетом этих русских святых» [Черепнин, с. 310]¹⁴. Справедливы ли такие заключения?

В этой связи прежде всего следует обратить внимание на то, какие именно князья взяли на себя заботы по переносу мощей Бориса и Глеба. Согласно «Сказанию о чудесах Бориса и Глеба» инициатором переноса выступил киевский князь Владимир Всеволодович Мономах, который о своем желании «възвѣсти братии своеи Давыдови и Ольгови». Но оказывается, что и «тѣма всегда оубо глаголющема и поноужающема Володимира о пренесении святою»¹⁵. Но если сыновья киевского князя Святослава Ярославича Олег и Давыд постоянно («всегда») понуждали Владимира Мономаха перенести мощи Бориса и Глеба, то это значит, что именно они были заинтересованы в этом в первую очередь. В летописи мысль о перенесении мощей Бориса и Глеба приписана сразу трем князьям: Владимиру Мономаху, Олегу и Давыду Святославичам, которые «создали церковь има (Борису и Глебу. – В. К.) камяну»¹⁶. Но, как свидетельствует «Сказание», в чем можно будет убедиться ниже, церковь достраивал и украшал один Олег Святославич.

Зато среди участников церемонии перенесения мощей названы все три князя, причем в «Сказании» – даже с сыновьями. К 1115 г. у Владимира Мономаха в живых оставались сыновья: Мстислав, правивший в Новгороде; Ярополк, княживший в Переяславле; Вячеслав, занимавший стол в Смоленске; Юрий Долгорукий, сидевший в Суздале; Роман и Андрей, жившие в 1115 г., по-видимому, вместе с отцом. У князя Давыда Черниговского были сыновья Всеволод, Ростислав, Владимир и Изяслав, которые могли наследовать отцу. У князя Олега Святославича таких сыновей-наследников было четверо – Всеволод, Игорь, Святослав, Глеб. Но если сыновья Мономаха уже при жизни отца управляли важнейшими княжествами Древней Руси, то сыновья Давыда и Олега в лучшем случае могли управлять при жизни отцов

¹² Там же. Стб. 281.

¹³ Там же.

¹⁴ Трактровка Л. В. Черепниным переноса мощей Бориса и Глеба в 1115 г. как акции, организованной Владимиром Мономахом и направленной на укрепление его авторитета, была полностью поддержана Д. С. Лихачевым, который вместо собственного комментария к статье 1115 г. Повести временных лет поместил большую выдержку из работы Л. В. Черепнина (см.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 481–482).

¹⁵ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 69.

¹⁶ ПСРА. Т. 2. Стб. 280.

только городами внутри одного Черниговского княжества. Общий потенциал (военный, экономический, демографический) Владимира Мономаха и его сыновей явно превышал возможности черниговских князей. Если князья-отцы появились в Вышгороде со всеми своими сыновьями, то присутствие последних из черниговских Мурома и Рязани, далеких Новгорода и Суздаля свидетельствует о том, что подготовка к майским празднествам 1115 г. в Вышгороде шла в течение многих месяцев и ей придавалось большое значение.

В этой связи весьма примечательно, что никакие другие князья в этих празднествах не участвовали. Ни единокровный брат Олега и Давыда Ярослав Святославич; ни сыновья киевского князя Святополка Изяславича, умершего в 1113 г., Ярослав, Брячислав и Изяслав; ни сыновья Ростислава Владимировича Володарь Перемышльский и Василько Теробовльский; ни тем более князья полоцкие. Речь идет только о князе Владимире Мономахе, князе Давыде Святославиче и его старшем брате Олеге и их сыновьях. Какие древнерусские центры представляли три старших князя и почему именно они участвовали в 1115 г. в перенесении мощей Бориса и Глеба?

Владимир Мономах в 1115 г. уже 2 года занимал киевский стол. Он стал киевским князем 20 апреля 1113 г., покинув отчинный Переяславль и откликаясь на настойчивые требования киевлян. Требования эти были вызваны восстанием киевских горожан 17 апреля 1113 г. и угрозой его дальнейшего распространения. «Сказание о чудесах Бориса и Глеба» ярко описывает дни, последовавшие за смертью предшественника Мономаха на киевском столе князя Святополка Изяславича: «И многу мятежу и крамолѣ бывъши въ людѣхъ, и мѣвѣ не малѣ; и тѣгда съвѣкоупивъше ся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедъше причѣтъмъ всѣхъ людии и моляхоу Володимира да въшедѣ, оуставить крамолоу соуцую въ людѣхъ»¹⁷. Мономах, как новый киевский князь, должен был определять статус древнего киевского города Вышгорода и принимать участие в значимых мероприятиях, проводившихся внутри города.

Князь Давыд Святославич был четвертым сыном Святослава Ярославича от первого брака. В 80-х и 90-х годах XI в. он правил в Новгороде и Смоленске, но с конца 90-х годов XI в. – в Чернигове. Летопись свидетельствует, что старший сын Давыда Святоша, осажденный владимирово-волинским князем Давыдом Игоревичем и половецким князем Боняком в Луцке, заключил с осаждавшими мир «и приде къ отцю своему Чернигову»¹⁸. Святоша оставил Луцк во второй половине 1099 г. Следовательно, Чернигов в 1099 г. уже принадлежал Давыду Святославичу. Тот же Святоша в 1106 г. постригся в монахи в «Църниговѣ»¹⁹, что косвенно может свидетельствовать о продолжавшемся правлении в Чернигове его отца. В 1112 г. князь Давыд и его княгиня радовались назначению в Чернигов епископа Феоктиста, поскольку прежний епископ 25 лет был болен и в Чернигове не проводились торжественные епископские службы²⁰. Давыд Святославич и умер в Чернигове в 1123 г.²¹ Он должен был помогать родному брату Олегу в ситуациях, когда интересы последнего ущемлялись.

Брат Давыда князь Олег Святославич был старше его, о чем свидетельствует портрет семьи Святослава Ярославича в Изборнике 1073 г. В перечне имен изображенных Олег назван раньше Давыда. В 1094 г. Олег с помощью половцев вернул себе Чернигов, захваченный у него в 1077 г. Всеволодом Ярославичем и его сыном Владимиром Мономахом²². Однако весной 1096 г. киевский князь Святополк Изяславич и переяславский князь Владимир Мономах осадили Олега в Чернигове, заподозрив его в коварных планах против них и в помощи половцам,

¹⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 69.

¹⁸ ПСРА. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 272.

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 19. О дате см.: [Бережков, с. 224].

²⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 274.

²¹ Там же. Стб. 286.

²² ПСРА. Т. 1. Стб. 226, 199.

нападавшим в то время на переяславские и киевские земли. Олег бежал из Чернигова в Стародуб. Но Святополк и Владимир осадили его и там. После 33 дней осады Олег не выдержал и запросил мира. Победители изгнали его из Черниговского княжества, отправили в Смоленск к брату Давыду и велели вместе с ним прийти в Киев, чтобы там договориться по главным политическим вопросам. В знак согласия Олег целовал крест. Княжеский съезд состоялся только на следующий год, осенью 1097 г., причем не в Киеве, а в черниговском городе Любече. Сразу же после съезда был ослеплен теребовльский князь Василько Ростиславич. Киевский князь Святополк и владимири-волинский князь Давыд Игоревич заподозрили его в сговоре с Владимиром Мономахом и в желании захватить их владения. Чтобы противостоять Святополку и Давыду Игоревичу, Мономаху пришлось объединиться со своим недавним врагом Олегом Черниговским и его братом Давыдом²³. Объединение Мономаху обошлось дорого. Он вынужден был уступить черниговским князьям Курск²⁴. Территория Черниговского княжества значительно возросла, и, по-видимому, между Олегом и Давыдом произошел раздел. Олег уступил Давыду Чернигов, но Новгород Северский, Стародуб, Муром, Рязань, Курск, судя по владениям его сыновей в более позднее время, оставил за собой. Давыд формально превратился в главного черниговского князя, однако фактически им остался Олег, сосредоточивший в своих руках большую часть территории Черниговского княжества.

Известия о переносе мощей Бориса и Глеба 2 мая 1115 г. указывают на присутствие Олега Святославича в Вышгороде. И «Сказание о чудесах Бориса и Глеба», и летопись свидетельствуют об особой роли князя Олега в организации и проведении перезахоронений двух сыновей Владимира Святославича. «Сказание» не называет Олега среди сопровождавших перенесение ни мощей Бориса, ни мощей Глеба. Это делали Владимир Мономах и Давыд Святославич. Олег, видимо, был занят другим. Об этом другом говорит летопись. Она сообщает об обеде, устроенном князем Олегом 1 мая 1115 г. Организация обеда может свидетельствовать о том, что Вышгород находился под управлением Олега²⁵. Такая мысль прямо подтверждается «Сказанием о чудесах Бориса и Глеба». «Сказание» сообщает, что «Ольгъ сынъ Святославль оумысли въздвигнути церковь, съкроушивъшюю ся Вышегородъ камяноюу, и приведеъ зъдатеде, повелъ зъдати, въдавъ имъ вьсе пообилоу, яже на потребу. И съврышенъ ей бывъши и испьсанъ, многашъды поноужаше, оубо и моляшаше, Святоплъка, да быша перенесли святая мученика въ създануюу церковь. Онъ же пакы, акы зазря троудоу его, и не хотяше ею перенести, зане не самъ бяше еъ създаде, церкве тоя. Малоу же времени миновъшю, и Святоплъкоу преставивъшю ся на вѣторое лѣто по оустроение церкви тоя»²⁶.

Из приведенного рассказа следует, что Олег Святославич действительно владел Вышгородом, который относился не к черниговским, а к киевским городам²⁷. Каменная Борисоглебская церковь в этом городе была достроена и расписана Олегом уже в 1112 г., за год до смерти киевского князя Святополка Изяславича. Если на роспись нужен был примерно год, то на капитальный ремонт храма требовалось года два. Это позволяет думать, что Вышгород Олег получил не позже 1109 г. Получил, конечно, от киевского князя Святополка Изяславича. Последний после ослепления Василька Теребовльского и военных угроз со стороны объединившихся Владимира Мономаха и черниговских князей в 1097 г. хотел даже бежать из Киева, но ему не дали этого сделать киевляне, и, будучи поддержан мачехой Владимира Мономаха и митрополитом Николаем, Святополк остался на киевском столе²⁸. Новая крупная

²³ Там же. Стб. 230, 256–262.

²⁴ Курск в 1096 г. был в руках сына Владимира Мономаха Изяслава (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229). В 1127 г. он был владением черниговского князя, который вынужден был уступить его Мономаховичам (см.: Там же. Стб. 296).

²⁵ Подобную мысль, но не отчетливо, высказывал и Л. В. Черепнин: «... по-видимому, хозяином торжества 1115 г. являлся Олег; у него обедали собравшиеся в Вышгороде князья и духовенство» (см.: [Черепнин, с. 316]).

²⁶ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 69.

²⁷ О принадлежности Вышгорода князьям, правившим в Киеве в XI в., см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161, 181–182, 200.

²⁸ Там же. Стб. 263–264.

политическая неудача ждала Святополка в 1102 г., когда, несмотря на его договоренность с Владимиром Мономахом, новгородцы отказались принять его сына, а вместо него оставили у себя на столе старшего сына Мономаха Мстислава²⁹. Усиление Мономаха, в первые годы XII в. заставлявшего Святополка ходить вместе с собой на половцев, внушало киевскому князю большие опасения за свою судьбу. Необходимо было как-то ограничить переяславского соседа, ослабить его отношения с черниговскими князьями. С этих позиций уступка между 1102 и 1109 г. именно Олегу Святославичу киевского Вышгорода очень удачно решала политические задачи, стоявшие перед Святополком. Во-первых, поддерживался давний недруг Владимира Мономаха Олег. Во-вторых, передача ему именно Вышгорода, отстоявшего всего на 15 км (по прямой) от Киева, указывала на то, что Олег мог рассматриваться как преемник Святополка на киевском столе (сначала сам Святополк как сын старшего (к 1054 г.) сына Ярослава Мудрого Изяслава; затем Олег – старший сын второго сына Ярослава Мудрого Святослава; лишь на третьем месте оказывался Владимир Мономах – сын третьего сына Ярослава Мудрого Всеволода). В случае же несоблюдения княжеских обычаев и договоренностей из Вышгорода до Киева с вооруженной дружиной можно было доехать за полтора-два часа, чтобы решить вполне возможные в будущем разногласия силой оружия. В-третьих, должны были начаться и трения между черниговскими князьями, поскольку выбор киевского князя падал не на правителя Черниговского княжества, а на его брата, роль и значение которого расценивались выше, чем роль и значение Давыда.

Получив в свои руки Вышгород, князь Олег Святославич старался закрепить его за собой, проявляя заботу о своих святых предках и тем самым завоевывая себе авторитет и признание в разных слоях тогдашнего общества. С этой целью и начались работы по достройке каменной церкви Бориса и Глеба. Но когда церковь была построена, киевский князь Святополк Изяславич отказался ее освящать и переносить останки Бориса и Глеба. Ему это сделать было несложно. Вышгород входил в состав диоцеза киевского митрополита, а действия митрополита контролировал киевский князь. И он не очень-то был заинтересован в прославлении ростовского, как писали летописи, князя Бориса, в свое время жившего в земле, которая с конца XI в. стала владением Владимира Мономаха, и князя Глеба, правившего в принадлежавшем со второй половины XI в. Черниговскому княжеству Муроме. После смерти Святополка в 1113 г. восстание киевлян показало, что жители Киева, «паче же большии и нарочитии моужи» хотят видеть киевским князем не вышгородского правителя Олега Святославича, а переяславского князя Владимира Всеволодовича. Княжеская идея о преемстве на киевском столе детей трех старших Ярославичей разбилась о совсем иные настроения и представления древнерусского общества XII в.

Но и занявший «не в намеченной чередности» киевский стол Владимир Мономах оказался в сложном положении. Какой политики следует придерживаться относительно Олега, владеющего киевским Вышгородом, не расстающегося с ним и постоянно требующего освящения каменной вышгородской церкви и переноса туда мощей Бориса и Глеба? Ведь в унисон с ним того же стал требовать и его родной брат черниговский князь Давыд. Не вызвана ли такая согласованность тем, что оба Святославича хотят по меньшей мере сохранить Вышгород за собой, чтобы использовать его как базу при возможной борьбе за Киев? Два года Владимир Мономах не откликался на просьбы и требования черниговских князей. Только в 1115 г., вероятно, зная о плохом состоянии здоровья Олега Святославича (он умер спустя три месяца после перенесения мощей Бориса и Глеба), Владимир Мономах решился на определенные действия. Впервые за 3 года было решено наконец-то освятить каменную Борисоглебскую церковь в Вышгороде и перенести туда останки Бориса и Глеба. Но круг князей – участников церемониальных событий должен был ограничиться тремя лицами с их сыновьями-наследниками. Только они могли договориться о том, рассматривать ли владение Вышгородом как ступень

²⁹ Там же. Стб. 275–276.

к киевскому столу и закрепляется ли владение Вышгородом за черниговскими князьями, или же Вышгород возвращается под власть киевского князя. Из летописного сообщения о кончине Олега Святославича: «в се же лѣто преставися Олегъ Святославичъ мѣсяца августа въ 1 день, а во вторый погребень бысть оу святого Спаса оу гроба отца своего Святослава»³⁰, вытекает, что речь идет о Спасском соборе в Чернигове, где был похоронен отец Олега Святослав Ярославич³¹. Отсюда можно сделать вывод, что князь Олег или покинул Вышгород перед смертью, или же его тело после смерти было перевезено из Вышгорода в Чернигов. Во всяком случае, следующее за 1115 г. сообщение о Вышгороде 1136 г. указывает на его принадлежность Киевскому княжеству³². А этот факт, в свою очередь, свидетельствует о том, что киевские князья, отдавая во владение города Киевского княжества представителям других ветвей Рюриковичей, передавали их в пожизненное обладание или же на определенные сроки, без права передачи по наследству. В случае же смерти владельца такие города, как выморочные, возвращались в состав Киевского княжества. И Олег Святославич, хотя и стремился, не смог удержать за собой или за своим родом киевский Вышгород, но достроенная этим князем церковь в Вышгороде в честь Бориса и Глеба многие десятилетия напоминала современникам и потомкам Олега о ее ктиторе и его почитаемых предках.

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.
Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 305–320.
Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. VIII, LXXX, 402 с.

References

- Berezhkov, N. G. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of the Russian Annals]. Moscow, 1963. 376 pp.
Cherepnin, L. V. "Povest' vremennykh let", ee redaktsii i predshestvuyushchie ei letopisnye svody ["The Tale of Bygone Years", Its Redactions and the Chronicles Preceding It]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1948. Vol. 25. Pp. 305–320.
Shakhmatov, A. A. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Petrograd, 1916. Vol. 1. *Vvodnaya chast'*. *Tekst. Primechaniya*. VIII, LXXX, 402 pp.

Vladimir A. Kuchkin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TRANSFER OF BORIS'S AND GLEB'S RELICS ON MAY 2, 1115

At the beginning of the second decade of the 12th century, an important event took place in South Rus: in the Kiev city of Vyshgorod, which, as it turns out, was ruled by Chernigov Prince Oleg Svyatoslavich in the period from about 1102 to 1109, a large stone church of Boris and Gleb was completed, painted and consecrated. The very next day, the tombs of the two innocently murdered sons of Prince Vladimir Svyatoslavich were transferred from the local wooden church to the new one. This is written in the Hypatian Chronicle (the text goes back to the third edition of the Tale of Bygone Years of 1118) and the final story called "The Legend about the Miracles of Saint Martyrs Roman and David" meaning Boris and Gleb. The latter contains information that Oleg Svyatoslavich's repeated appeals to Svyatopolk Izyaslavich, who ruled in Kiev, to allow the transfer of Boris's and Gleb's tombs to the new church were always declined. Vladimir Monomakh, who replaced Svyatopolk on the Kiev's throne in 1113, adhered to the same policy. And only when his brother, Chernigov Prince Davyd, joined Oleg's requests, the transfer finally took place. Such a major ideological step had clear political implications.

Keywords: Rus in the second half of the 11th – first quarter of the 12th century, sons and grandsons of Yaroslav the Wise, their possessions, the struggle for the Principality of Kiev, church policy of Yaroslav's heirs

³⁰ ПСРА. Т. 2. Стб. 282.

³¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 199.

³² ПСРА. Т. 2. Стб. 300 (передача киевским князем Ярополком Владимировичем Вышгорода своему старшему племяннику Всеволоду в 1136 г.). О дате см.: [Бережков, с. 137].

